ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Научное обозрение

В ПОИСКАХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА*

Александр Анатольевич СЕРГУНИН[a,•], Сергей Викторович СУББОТИН[b]

[a] доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
sergunin60@mail.ru

[b] кандидат исторических наук, доцент,
НИУ Высшая школа экономики (Нижегородский филиал), Нижний Новгород, Российская Федерация
ssubbotin@hse.ru

• Ответственный автор

История статьи:
Принята 14.01.2016
Принята в доработанном виде 20.01.2016
Одобрена 25.01.2016

УДК 327.44
JEL: F50, F55

Ключевые слова: система международных отношений, гегемония, империя, однополярный мир, биполярный мир

Аннотация

Предмет. Данный материал является рецензией на монографию А.Н. Богданова об эволюции современных международных систем с доминирующими державами.

Цели. Критический анализ содержащихся в монографии А.Н. Богданова концепций развития системы международных отношений в период после окончания «холодной войны» и на обозримое будущее.

Методология. Включает в себя ряд общепринятых в социальных науках методов. В частности, для анализа содержания книги А.Н. Богданова используются дискурсивный подход и так называемая внутренняя критика источника.

Результаты. В книге рассматриваются различные альтернативные варианты будущего развития системы международных отношений – однополярная, гегемонистская, имперская и биполярная модели. Наряду со структурными факторами автор обращает внимание на такие инструменты легитимации и укрепления своего доминирования, как привлекательность экономической и политической модели гегемона, «нормативная власть», идеология и пр. В рецензии высказан ряд критических замечаний в отношении исследования А.Н. Богданова. В частности, ставится под сомнение сочетание различных критериев для классификации международных систем с доминирующими акторами. Отмечается также, что автор, по сути дела, игнорирует возможность возникновения многополярной системы международных отношений, в которой могут отсутствовать однозначно доминирующие державы.

Область применения результатов охватывает научную и образовательные сферы. В частности, в рецензии отмечается полезность монографии для лиц, изучающих теорию международных отношений, проблемы международной безопасности и современной мировой политики.

Выводы. Несмотря на отдельные недостатки и спорные моменты, значимость рецензируемой работы не подвергается сомнению. Монография А.Н. Богданова вносит заметный вклад в развитие отечественной теории международных отношений.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Четверть века минуло с момента окончания холодной войны, однако до сих пор не утихают споры как среди ученых, так и политиков-практиков о природе нынешней системы международных отношений и характере мирового порядка, который формируется на наших глазах. Рецензируемая монография – еще одна попытка осмыслить произошедшие изменения в мировой политике за последние 20-25 лет. Она посвящена анализу альтернатив, существующих в развитии современной системы международных отношений.

По мнению автора книги, природа международных систем, несмотря на все разнообразие подходов к их анализу и классификации, зависит главным образом от двух ключевых переменных – структуры распределения материальной мощи и характера отношений власти и подчинения, что имеет особое значение в условиях преобладания одного или двух государств.

С точки зрения системной стабильности структурные факторы преимущественно определяют наличие или отсутствие намерений менее могущественных держав восстановить равновесие с помощью различных стратегий уравновешивания и политики сопротивления (более или менее открытого) действиям доминирующего государства. Структурные объяснения процессов трансформации международных систем предполагают, что силовое равновесие является оптимальным состоянием системы, в то время как любые отклонения от него (в частности, установление гегемонии какой-либо великой державы) рассматриваются хоть и в

* Рецензия на книгу: *Богданов А.Н.* Природа и динамика международных систем с доминирующими державами. СПб: Скифия-принт, 2014. 184 с.

качестве объективных, но все же временных явлений.

В то же время анализ неструктурных факторов системной стабильности и динамики показывает, что влияние таких переменных, как восприятие угроз и намерений доминирующей державы, ее ценности и идеология, способны внести существенные коррективы в логику рассуждений, основанных исключительно на структурном подходе. Именно поэтому, несмотря на очевидную структурную обусловленность любых международных систем, всеобъемлющий анализ предпосылок их стабильности и динамики должен учитывать все разнообразие факторов, влияющих на сохранение и воспроизводство ключевых системных характеристик.

Автор рецензируемой монографии выделяет несколько альтернативных вариантов развития современной международной системы.

1. ***Однополярная система.*** Как отмечает автор, анализ однополярной международной системы должен опираться на две ключевые предпосылки. *Во-первых*, поскольку «однополярность» является структурным понятием и характеризует крайне неравномерное распределение мощи внутри международной системы, то при ее анализе должны учитываться общие принципы функционирования системы баланса сил. Как следствие, любые возможные изменения однополярной структуры должны рассматриваться в первую очередь как результат использования второстепенными государствами различных стратегий уравновешивания доминирующей державы. Формы и степень эффективности таких стратегий напрямую влияют на перспективы системной трансформации в условиях однополярности.

Во-вторых, в качестве одного из ключевых факторов динамики однополярной международной системы должна также рассматриваться политика сверхдержавы, от действий которой зависит то, насколько менее могущественные государства склонны к реализации уравновешивающих стратегий. Также немаловажно, чтобы политика однополярной державы могла повлиять на формирование и восприятие норм международного поведения и, как следствие, на представления о легитимности всего международного порядка. Если международный порядок начинает восприниматься значительной частью государств системы в качестве нелегитимного (например, в результате проведения сверхдержавой агрессивной политики), то такая ситуация может побудить второстепенные державы к более интенсивному уравновешиванию доминирующего «полюса» силы и тем самым вызвать процессы системной динамики.

Не вызывает возражений тезис автора о том, что исходя из названных предпосылок, можно дать общую характеристику факторов стабильности и динамики однополярных международных систем. Прежде всего необходимо отметить, что однополярный баланс сил создает огромные препятствия на пути системной трансформации, поскольку мощь сверхдержавы слишком значительна, чтобы быть уравновешенной другим государством или коалицией государств. Главные проблемы, возникающие с точки зрения формирования противовеса однополярному государству – это координация действий внутри потенциальной коалиции и страх перед наказанием со стороны сверхдержавы. В результате острая асимметрия власти, характерная для однополярности, сильно затрудняет любые формы сопротивления, связанные со структурной динамикой системы.

Кроме того, поскольку сверхдержава заинтересована в укреплении своего лидерства в международной системе и минимизации сопротивления со стороны менее могущественных государств, она вынуждена стремиться к обеспечению легитимности своего доминирующего положения, а также своей политики. Утрата легитимности грозит нарастанием недовольства среди других участников системы и усилением сопротивления действиям сверхдержавы, которой приходится нести чрезмерное бремя материальных и репутационных издержек, подрывающих основы ее лидерства. Для обеспечения легитимности своего положения и проводимой политики однополярное государство прибегает к созданию разного рода идеологических проектов, основанных на апелляции к общим ценностям и интересам, и призванных гарантировать лояльность со стороны второстепенных держав. Именно на это нацелена так называемая «общественная дипломатия» США, активно осуществляемая Вашингтоном после окончания холодной войны[1]. Таким образом, идеология (в том случае, если она обеспечивает эффективную легитимацию статуса и политики «униполюса») выступает важным неструктурным фактором стабильности однополярной системы.

[1] *Кубышкин А.И., Цветкова Н.А.* Публичная дипломатия США: учеб. пособие. М. Аспект-пресс. 2013.

Существенным фактором стабильности однополярной международной системы также выступает институциональная структура, формируемая сверхдержавой и призванная обеспечить легитимность ее политики путем распространения определенных норм и ценностей. Если однополярному государству удается использовать свою экстраординарную мощь через посредничество межправительственных институтов, это существенно повышает стабильность однополярной системы, поскольку многосторонний характер международных институтов и «обезличенность» принимаемых решений делает использование сверхдержавой своей мощи легитимным и оправданным с точки зрения общепринятых норм. Как следствие, наличие разветвленной структуры международных институтов, воплощающих нормы и ценности доминирующего государства, также способно обеспечить устойчивость однополярной системы.

Как демонстрирует проведенное автором исследование, существенным фактором динамики однополярной международной системы может выступать поведение сверхдержавы, поскольку от избранной ею стратегии напрямую зависит вероятность реализации менее могущественными акторами различных уравновешивающих стратегий. Автор отмечает, что политика сверхдержавы в однополярном мире обусловливается как структурными, так и неструктурными факторами. Так, структурные факторы (однополярное распределение мощи) обусловливают появление более глобальных интересов и амбициозных целей, что зачастую побуждает сверхдержаву к проведению экспансионистской и агрессивной политики. В этом случае поведение сверхдержавы неизбежно будет вызывать тревогу второстепенных государств за свою безопасность и международную стабильность, что увеличивает вероятность использования ими уравновешивающих стратегий.

Среди неструктурных факторов, оказывающих влияние на поведение сверхдержавы, наибольшее значение имеют географическое положение (степень удаленности от других центров силы), ценностные ориентации и идеологические установки политических элит «униполюса», легитимность действий сверхдержавы, а также восприятие ее намерений. Так, если сверхдержава находится на значительном расстоянии от других ведущих держав, а ее идеология не является чрезмерно экспансионистской и агрессивной, то ее действия воспринимаются в качестве легитимных, а намерения – в качестве доброжелательных, что способствует системной стабильности. В противоположном случае сопротивление политике сверхдержавы возрастает, и вероятность системной трансформации увеличивается.

2. ***Гегемонистская система.*** По определению автора, «гегемония» представляет собой способ организации отношений между доминирующим и второстепенным государством, при которых власть и статус державы-гегемона обусловлены не только ее материальным могуществом и готовностью обеспечивать систему «общественными благами», но также авторитетом и способностью формулировать приемлемые «правила игры». С этой точки зрения, «гегемония» также может рассматриваться и как международный порядок – совокупность норм и принципов, регулирующих взаимоотношения между участниками системы.

Особый интерес представляют те разделы книги, где осуществляется анализ материального и идеального измерений феномена «гегемонии» в международной политике, а также исследование «гегемонистского лидерства США», к исследованию которого автор рецензируемой монографии уже обращался в своих предшествующих работах [1–3]. Комплексный анализ материальных и идеальных факторов стабильности «гегемонистских» международных систем позволяет сформулировать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, формированию «гегемонистской» международной системы неизменно предшествует процесс концентрации материальных ресурсов в руках одного из государств системы, что является результатом конкурентной борьбы государств в условиях анархии и неравенства их потенциалов (территории, населения, уровня экономического развития, доступа к рынкам и ключевым ресурсам, военной мощи и т.д.). С этой точки зрения динамика «гегемонистских» систем обусловлена циклами концентрации и деконцентрации ресурсов и капитала, в рамках которых то или иное государство добивается системной «гегемонии» и впоследствии утрачивает ее, проходя через ряд последовательных этапов «восхождения», «расцвета», «стабилизации» и «упадка».

Во-вторых, процессы деконцентрации и ослабления материальной мощи системного лидера неизменно сопровождаются актуализацией ряда нематериальных факторов, среди которых особое значение имеет делегитимация доминирующего государства, являющаяся

следствием снижения его авторитета и способности играть роль системного лидера. Упадок материальной мощи и делегитимация «гегемона» приводит к нарастанию недовольства среди второстепенных держав, которые начинают ощущать усиливающееся несоответствие между уровнем своей мощи и своим положением в международной иерархии. Кроме того, высокий статус «гегемона» в условиях ослабления его материальной мощи также начинает восприниматься в качестве несправедливого положения дел, подлежащего исправлению. В целом упадок «гегемонистского» государства, его делегитимация как системного лидера и нарастание недовольства существующей иерархией статусов создают предпосылки для появления ревизионистских держав, бросающих вызов гегемону и инициирующих трансформацию системы.

В-третьих, важным фактором стабильности «гегемонистской» системы, помимо материальной мощи доминирующего государства, является способность последнего обеспечивать согласие менее могущественных держав с существующим положением дел и поддерживать их удовлетворенность собственным статусом. В этих целях государство-«гегемон» прибегает к использованию консенсусных механизмов поддержания «гегемонистского» порядка, среди которых ключевую роль играет идеология, ценности и нормы которой должны быть сформулированы так, чтобы они были приемлемы для большинства участников системы. Как фактор стабильности «гегемонистской» системы, идеология в этом случае приобретает едва ли не ключевую роль. «Гегемонистский» порядок поддерживается благодаря согласию ключевых акторов относительно разделяемых ценностей и общих правил поведения, закрепленных в международных институтах, выступающих в роли механизмов стабилизации всей системы и воспроизводства асимметричных властных отношений.

Так, например, в случае современной американской «гегемонии» факторы, обусловливающие ее динамику и стабильность, могут быть охарактеризованы следующим образом.

Во-первых, материальный фундамент американской «гегемонии» в начале XXI в. оказался существенно ослабленным влиянием глобального экономического кризиса, бурным экономическим ростом восходящих держав, а также нарастающим бременем издержек глобального лидерства (участие в региональных конфликтах, поддержание сети союзов, превентивные войны). Обозначился сдвиг в глобальной структуре распределения мощи в направлении Восточной Азии, сопровождающийся упадком былого экономического влияния трансатлантического мира (углубление долгового кризиса США, проблемы финансовой стабильности в еврозоне). В результате США начали постепенно утрачивать способность обеспечивать международную систему «общественными благами», что коснулось прежде всего их способности гарантировать финансовую стабильность.

Во-вторых, перераспределение материальных ресурсов в пользу восходящих держав привело к росту среди последних недовольства своим статусом и ролью в принятии ключевых решений. Поскольку в глазах всего мира США и выстроенная ими система глобального финансового регулирования выступили главными виновниками экономических потрясений 2008–2010 гг., многие государства пришли к выводу, что чрезмерная централизация принятия решений и несоответствие между их растущими возможностями и остающимся неизменным реальным положением в политической иерархии являются очевидной несправедливостью, подлежащей устранению. В свою очередь это вызвало усиление ревизионистских настроений, которые, однако, в настоящее время направлены преимущественно на повышение статуса восходящих держав в рамках существующего порядка и не ориентированы на его ниспровержение. Примером такого «альтернативного» международного объединения, пытающегося создать новые глобальные финансовые «правила игры», может служить БРИКС.

В-третьих, в 2000-е гг. относительный упадок материальной мощи США, усиление их экономических и геополитических конкурентов, а также стремление американского руководства действовать в одностороннем порядке, игнорируя международное право и мнение других держав, привели к ослаблению «нормативной» власти США, их способности формулировать и поддерживать общепринятые правила международного поведения. Ревизия принципов национально-государственного суверенитета, верховенства международного права и невмешательства во внутренние дела независимых государств, предпринятая США в рамках

концепции «превентивных войн», заставила многие государства усомниться в «благожелательном» характере гегемона и его способности выступать гарантом безопасности и обеспечивать международную стабильность.

В-четвертых, несмотря на относительное ослабление экономической мощи США и усиление азиатских конкурентов, а также упадок «нормативной» власти и частичную утрату способности обеспечивать международную систему «общественными благами», на сегодняшний день Вашингтон, тем не менее, сохраняет лидерство внутри неолиберального «исторического блока», объединяющего государства, приверженные общим принципам рыночной экономики и демократии. Благодаря контролю над развитой сетью глобальных и региональных институтов, а также устойчивой системе союзов, США по-прежнему выполняют гегемонистские функции в области системного управления, не допуская обострения соперничества великих держав на региональном уровне (прежде всего, в Западной Европе и в Восточной Азии) и обеспечивая ресурсами глобальную финансовую систему. По этой причине ревизионистские настроения, обострившиеся в начале XXI в., не носят (за редким исключением) антисистемного характера, а подверженные им государства не спешат принять на себя бремя «гегемонистского» лидерства, стремясь лишь к улучшению своего положения в рамках сложившегося порядка.

3. ***«Имперская» система.*** В качестве ключевой отличительной черты «имперской» международной системы, подчеркивает автор рецензируемой монографии, выступает особый способ организации взаимоотношений, при котором второстепенные государства передают часть своих суверенных прав доминирующей державе, стремящейся к установлению единообразной системы правления и распространению универсальных ценностей на всем пространстве формирующейся «империи».

Со структурной точки зрения, особенность «имперской» системы обусловлена ее делением на «центр» и «периферию», что побуждает доминирующее государство выстраивать отношения с локальными элитами по принципу «разделяй и властвуй», не допуская коммуникаций между ними и формирования у них общей идентичности. В противном случае сопротивление на периферии становится скоординированным и начинает угрожать стабильности всей системы.

Вместе с тем стабильность «имперской» системы во многом зависит от наличия эффективной системы легитимации, оправдывающей доминирование «ядра» над периферией, а также его постоянную геополитическую и идеологическую экспансию, направленную на повсеместное распространение норм, ценностей и институтов «империи», приведение всего мира к единому стандарту, нивелирующему этнические, национальные, религиозные, политические различия во имя обеспечения управляемости и экономического процветания. Именно поэтому, с точки зрения анализа предпосылок динамики и условий стабильности «имперской» системы, наряду со структурными факторами (внутренние и внешние кризисы, вызывающие изменения в соотношении сил), необходимо учитывать нематериальные переменные (идеологические установки политических элит, особенности восприятия угроз руководством «имперского» государства, общественные настроения на периферии и т.д.).

Проведенное в рецензируемой книге (с. 111–134), а также ряде других трудов автора[2] [4] исследование феномена современной «американской империи», сформировавшейся в начале XXI в., позволило сформулировать следующие выводы.

Во-первых, формирование «американской империи» стало результатом кардинально изменившегося после терактов 11 сентября 2001 г. восприятия угроз (и окружающей среды в целом) политической элитой США. Осознание невозможности эффективной борьбы с транснациональными угрозами на основе традиционных вестфальских принципов международного порядка побудило американское руководство прибегнуть к ревизии ключевых международно-правовых норм, касающихся, прежде всего, национально-государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. В результате США приступили к реализации «имперской» внешнеполитической стратегии, допускавшей нарушение суверенитета государств и режимов, подозревавшихся в обладании оружием массового уничтожения или спонсировании международного терроризма. Целью стратегии было установление полусуверенных и подконтрольных США режимов в наиболее проблемных странах мира (Афганистане, Ираке, Сирии и др.) и создание

[2] *Богданов А.Н.* «Американская империя» и мировой порядок в XXI веке // Геополитика и безопасность. 2014. № 4. С. 79–86.

предпосылок для их последующей демократизации, которая рассматривалась в качестве залога безопасности США, а также регионального мира и стабильности[3] [5].

Во-вторых, для обеспечения устойчивости формирующейся «имперской» системы американское руководство прибегло к наращиванию военных расходов, призванных укрепить доминирование США в мире, а также сформулировало мощную систему идеологической легитимации американской экспансии (на основе неоконсервативной идеологии), оправдывающую нарушение США международных норм и направленную на обеспечение лояльности союзников в «войне с террором». Со временем это привело к чрезмерному росту оборонных расходов, внешним заимствованиям и астрономическому государственному долгу, угрожавшим «имперским перенапряжением» США и, как следствие, утратой их способности выполнять функции «имперского гегемона»[4] [5].

В-третьих, дестабилизация системы «американской империи» в конце 2000-х гг. была обусловлена рядом ключевых факторов. Прежде всего, потенциал американской экономики, и без того испытывавшей бремя огромного бюджетного дефицита и государственного долга, был подорван мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. Кроме того, кризис подорвал доверие к глобальным финансовым институтам, контролируемым США, а также усилил скептические настроения в отношении либеральной модели социально-экономического развития. Оказалась подорванной система легитимации, создававшаяся на протяжении десятилетий и опиравшаяся на идеи рыночной экономики, либерализма и политической демократии. Это существенно ограничило способность США свободно реализовывать свою волю во внешнем мире, вынудив американское руководство прибегнуть к масштабному сокращению своих глобальных обязательств[5] [6]. К тому же, при реализации стратегии демократизации, предполагавшей применение военной силы, США не смогли обеспечить более или менее равномерное распределение бремени расходов со своими союзниками и партнерами по антитеррористической коалиции. В результате США столкнулись с необходимостью принять на себя большую часть расходов как в ходе военных действий, так и в процессе послевоенной реконструкции. Это обусловило эффект «перенапряжения» США как «имперского» государства и существенно пошатнуло их позиции как экономической сверхдержавы и глобального лидера. В итоге при администрации Б. Обамы США были вынуждены прибегнуть к стратегии ограничения своего военного присутствия и участия в военных операциях за рубежом[6] [7].

Наконец, нарушение США основополагающих норм международного порядка привело к усилению ревизионистских настроений не только среди стран периферии, но также среди союзников и партнеров, увидевших в агрессивном поведении «имперской» державы угрозу собственному суверенитету. В условиях кризиса легитимности политики США, а также нарастающих издержек «имперского» доминирования, а также давления международного сообщества американское руководство США было вынуждено отказаться от прежней стратегии и обратиться к поиску более «мягких» форм глобального лидерства[7].

4. ***Биполярная система.*** По мнению автора книги, несмотря на то, что предпосылки динамики и стабильности биполярной системы кроются в специфике распределения материальной мощи между доминирующими державами, эта силовая конфигурация обладает собственной уникальной природой, отличающей ее от других рассмотренных в настоящем исследовании систем. Так, выступая в качестве системы баланса сил, биполярность, тем не менее, существенно ограничивает возможности реализации стратегий уравновешивания в рамках системы, предоставляя соответствующие возможности лишь противостоящим друг другу сверхдержавам. Именно поэтому поддержание силового равновесия и в конечном счете системной стабильности оказывается именно в их руках, в то

[3] *Конышев В.Н., Кубышкин А.И., Сергунин А.А.* Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 53–66; *Рыхтик М.И.* Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. С. 203–219.

[4] Там же.

[5] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегия национальной безопасности Б. Обамы: состоялось ли радикальное обновление? // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ – OBSERVER. Научно-аналитический журнал. 2010. № 12. С. 87–95.

[6] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Новая военная доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 14. С. 2–9.

[7] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Обама-2: приоритеты внешнеполитического курса // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ – OBSERVER. Научно-аналитический журнал. 2013. Т. 276. № 1. С. 61–68.

время как менее могущественные государства вынуждены довольствоваться второстепенными ролями, не имея реальных возможностей воздействия на процессы системной трансформации.

В то же время уникальность биполярной международной системы заключается в том, что несмотря на свою структурную детерминированность, она допускает (и даже предполагает) использование доминирующими державами различных форм «гегемонистского» лидерства и «имперского» господства. Это обусловлено тем, что сохранение контроля над своими сферами влияния требует от сверхдержав не только и не столько силового доминирования, сколько способности поддерживать нормативный порядок (формулировать «правила игры») и предоставлять «общественные блага» (безопасность, доступ к рынкам и т.д.). Кроме того, государства, входящие в сферу влияния той или иной сверхдержавы, нередко оказываются вынужденными уступать часть своих суверенных прав (особенно в сфере внешней политики) в пользу доминирующего государства, а также принимать ценности, идентичность и идеологию последнего. В результате, отношения между сверхдержавой и государствами, входящими в сферу ее влияния, могут приобретать черты структуры «ядро – периферия» с вытекающими отсюда последствиями для системной стабильности и динамики. Все это позволяет допускать возможность наличия в рамках биполярной структуры международных отношений устойчивых черт «гегемонии» и «империи», что побуждает сверхдержавы обращать внимание на такие неструктурные аспекты поддержания своего лидерства, как легитимность и сохранение лояльности в рамках военно-политических блоков.

С точки зрения перспектив превращения современной «американской однополярности» в американо-китайскую или иную «биполярность», наиболее принципиальное значение приобретают следующие моменты.

Прежде всего, даже в случае сближения США и Китая (другой державы) в области материальных возможностей и последующих структурных изменений, превращение существующей международной системы в двухполюсную конфигурацию невозможно без достижения какой-либо из возвышающихся держав сверхдержавного статуса. Последнее в свою очередь предполагает не только обладание значительной экономической и военной мощью, но также соответствие некоторым «неструктурным» параметрам. Так, свойственное биполярности разделение мира на сферы влияния, подконтрольные сверхдержавам, предполагает способность последних выступать в качестве единственного гаранта безопасности второстепенных государств.

Наряду с обеспечением безопасности, предоставление других «общественных благ» также является важным атрибутом сверхдержавного статуса, как и «нормативная власть», предполагающая способность доминирующего государства определять основы международного порядка в границах собственных сфер влияния. Привлекательность социально-экономической модели развития, ценностей и идеологии также представляют собой неотъемлемый компонент сверхдержавного статуса. Именно поэтому кризис однополярной системы с последующим транзитом в направлении биполярности возможен лишь в случае тотального упадка лидерства сверхдержавы, включая как материальные (экономические, военные), так и нематериальные (статусные, институциональные, идеологические, дискурсивные) аспекты.

Важным выводом автора по результатам проведенного им исследования является его тезис о том, что в условиях доминирования одной или двух держав природа международной системы в известной степени утрачивает анархический характер. Напротив, как показывает А.Н. Богданов в предыдущих исследованиях, все возрастающую роль приобретает структурная иерархия, диктующая совершенно иные императивы поведения государствам системы [8].

Соглашаясь с большинством оценок автора, вместе с тем нельзя не высказать ряд критических замечаний в адрес данного исследования.

Отдавая должное оригинальной классификации автора международных систем с доминирующими акторами, все же нельзя не выразить некоторого сомнения в отношении критериев, положенных в ее основу. Складывается впечатление, что автор попытался соединить два различных критерия, которые не всегда удачно сочетаются друг с другом. Когда речь идет об однополярной и биполярной системах, в качестве критерия используется количество «полюсов» силы. Отметим попутно, что в соответствии с этим критерием можно идентифицировать и многополярную систему. В случае же с «гегемонистской» и «имперской» системами

международных отношений в основу этой классификации положен такой критерий, как способ организации и легитимации своего доминирования господствующей державой (или державами). То есть и однополярная, и биполярная системы международных отношений могут быть организованы как по «гегемонистскому» (более мягкому), так и «имперскому» (более жесткому) принципам[8]. И, наоборот, гегемонии и империи могут иметь одно- и биполярную структуры. По этой причине выделять в качестве «равновесных» однополярную, «гегемонистскую», биполярную и «имперскую» системы представляется не совсем корректным.

Кстати, когда автор пытается применить свою «четырехчленную» модель на практике – к характеристике исторической эволюции международной системы за последнюю четверть века, то обнаруживается что она не срабатывает. Остается неясным, когда эта система была чисто однополярной, а когда «гегемонистской», «имперской» или биполярной. Непонятен также вектор развития современной международной системы. Движется ли она от однополярной (США) к биполярной (США – Китай) через «гегемонистскую» и «имперскую» системы или же динамика движения имеет какую-то другую природу? Характерно, что в своих публикациях автор попеременно характеризует современную систему международных отношений то как однополярную [9, 10], то как «американскую имперскую»[9] [4], то как «американскую гегемонию» [1, 3], то как формирующуюся биполярную [11].

За «кадром» остается и вопрос о том, почему автор ограничивает свое исследование только международными системами с явно доминирующими державами (одно- и биполярными)? И это в то время как в мировом научном сообществе все больше набирает силу точка зрения, что современный мир в структурном отношении постепенно эволюционирует от однополярной (организованной в «имперской» или «гегемонистской» форме) не к биполярной, а именно к многополярной системе [12–17].

Отметим в заключение, что несмотря на отдельные спорные моменты, монография А.Н. Богданова будет полезной для ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих как теорию международных отношений, так и современную мировую политику.

[8] Автор, по сути, признает это в разделе о биполярной системе международных отношений.

[9] *Богданов А.Н.* «Американская империя» и мировой порядок в XXI веке // Геополитика и безопасность. 2014. № 4. С. 79–86.

Список литературы

1. *Богданов А.Н.* Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 38. С. 8–22.

2. *Богданов А.Н.* Институциональная политика и идеология США // Свободная мысль. 2011. № 10. С. 63–76.

3. *Богданов А.Н.* Эволюция гегемонии: власть США в современном мире // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. № 1. С. 190–197.

4. *Богданов А.Н.* Легитимация «имперского» миропорядка // Свободная мысль. 2010. № 10. С. 151–166.

5. *Рыхтик М.И.* Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного ун-та. 2004.

6. *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 1. С. 23–36.

7. *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3. С. 98–113.

8. *Богданов А.Н.* Внешнеполитическая идеология США и современный мировой порядок. СПб: Изд-во СПбГУ, 2012.

9. *Богданов А.Н.* «Американская однополярность» и системный баланс сил в начале XXI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 96–107.

10. *Богданов А.Н.* Стратегии равновесия и динамика однополярной системы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 1. С. 126–134.

11. *Богданов А.Н.* На пороге «биполярного мира»? О перспективах системной конфронтации в XXI в. // Власть. 2015. № 2. С. 5–11.

12. *Мартынов Б.Ф.* Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 21. С. 60–68.

13. *Desch M.* Kenneth Waltz and the Power of Pure Theory // National Interest. 2013, 15 May. URL: http://nationalinterest.org/commentary/kenneth-waltz-the-power-pure-theory-8472.

14. *Haass R.* The Palmerstonian Moment // National Interest. 2008, February 1. URL: http://nationalinterest.org/article/the-palmerstonian-moment-1918.

15. *Perskaya V.*, *Glukhovtsev V.* Multipolarity: Myth or Reality? Москва: Экономика, 2011. 235 с.

16. *Posen B.* From Unipolarity to Multipolarity: Transition in Sight? // International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. P. 317–341.

17. *Yang A., Klyueva A., Taylor M.* Beyond a Dyadic Approach to Public Diplomacy: Understanding Relationships in Multipolar World // Public Relations Review. 2012. Vol. 38. № 5. P. 652–664.

ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Scholar Dispute

IN SEARCH OF A NEW WORLD ORDER

Aleksandr A. SERGUNIN[a,•], Sergei V. SUBBOTIN[b]

[a] St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
sergunin60@mail.ru

[b] Higher School of Economics – National Research University, Nizhny Novgorod Branch, Nizhny Novgorod, Russian Federation
ssubbotin@hse.ru

[•] Corresponding author

Article history:
Received 14 January 2016
Received in revised form
20 January 2016
Accepted 25 January 2016

JEL classification: F50, F55

Keywords: international relations system, hegemony, empire, unipolar world, bipolar world

Abstract

Importance This article presents a review of A.N. Bogdanov's monograph on the evolution of contemporary systems with dominating States.

Objectives The research provides a critical analysis of concepts concerning the system of international relations and its development after the end of the Cold War and in the foreseeable future, as presented in Bogdanov's monograph.

Methods The methodology includes some generally accepted methods of social sciences. For example, the contents of Bogdanov's book was analyzed using a discourse approach and the so called internal critics of the source.

Results The book overviews various alternatives to the future development of international relations, i.e. unipolar, hegemonic, imperial and bipolar models. Concurrently with structural factors, the author emphasizes such tools for legalizing and strengthening the dominance as the attractive nature of the hegemon's economic and political models, regulatory power, ideology, etc. The review presents some critical comments on Bogdanov's research. In particular, we doubt concerning a combination of various criteria to classify international systems with dominating actors. We also note that the author, in fact, ignores that the multipolar system of international relations may emerge, without apparently dominating powers.

Conclusions and Relevance Notwithstanding certain weaknesses and disputable issues, it goes without saying that the book represents scientific value. Bogdanov's monograph substantially contributes to the development of the national theory of international relations. The findings are applicable to scientific and educational milieu. For instance, our review indicates the monograph will be useful for those who study the theory of international relations, global security and contemporary international politics.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

References

1. Bogdanov A.N. [American hegemony and systemic instability factors in the 21st century]. *Mezdunarodnye protsessy = International Trends*, 2014, vol. 12, no. 38, pp. 8–22. (In Russ.)

2. Bogdanov A.N. [The U.S. institutional policy and ideology]. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*, 2011, no. 10, pp. 63–76. (In Russ.)

3. Bogdanov A.N. [The hegemony evolution: the U.S. power in the contemporary world]. *Politicheskaya Ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*, 2013, no. 1, pp. 190–197. (In Russ.)

4. Bogdanov A.N. [Legitimization of the 'imperial' world order]. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*, 2010, no. 10, pp. 151–166. (In Russ.)

5. Rykhtik M.I. *Bezopasnost' Soedinennykh Shtatov Ameriki: istorya, teoriya i politicheskaya praktika* [The United States of America's security: history, theory and political practice]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publ., 2004.

6. Konyshev V.N., Sergunin A.A. [Barack Obama's national security strategy: old wine in new wineskins?]. *SShA i Kanada: economika, politika, kul'tura = USA and Canada: Economics, Politics, Culture*, 2011, no. 1, pp. 23–36. (In Russ.)

7. Konyshev V.N., Sergunin A.A. [On the new military doctrine of B. Obama]. *Problemy natsionalnoi strategii = National Strategy Issues*, 2012, no. 3, pp. 98–113. (In Russ.)

8. Bogdanov A.N. *Vneshnepoliticheskaya ideologiya SShA i sovremennyi mirovoi poryadok* [The U.S. ideology of foreign policy and the contemporary world order]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2012.

9. Bogdanov A.N. ['American unipolarity' and the systemic balance of power in the beginning of the 21st century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint-Petersburg State University. Ser. 6. Political Science. International Relations*, 2015, no. 2, pp. 96–107. (In Russ.)

10. Bogdanov A.N. [Balancing strategies and dynamics of the unipolar system]. *Politicheskaya Ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*, 2014, vol. 10, no. 1, pp. 126–134. (In Russ.)

11. Bogdanov A.N. [Standing on the verge of the 'bipolar world'? Concerning prospects of the systems confrontation in the 21st century]. *Vlast' = The Authority*, 2015, no. 2, pp. 5–11. (In Russ.)

12. Martynov B.F. [The multipolar world or world of multiple civilizations?]. *Mezhdunarodnye Protsessy = International Trends*, 2009, vol. 7, no. 21, pp. 60–68. (In Russ.)

13. Desch M. Kenneth Waltz and the Power of Pure Theory. *The National Interest*, 2013, May 15. Available at: http://nationalinterest.org/commentary/kenneth-waltz-the-power-pure-theory-8472.

14. Haass R. The Palmerstonian Moment. *The National Interest*, 2008, Jan-Feb. Available at: http://nationalinterest.org/article/the-palmerstonian-moment-1918.

15. Perskaya V., Glukhovtsev V. Multipolarity: Myth or Reality? Moscow, Ekonomika Publ., 2011, 235 p.

16. Posen B. From Unipolarity to Multipolarity: Transition in Sight? International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, pp. 317–341.

17. Yang A., Klyueva A., Taylor M. Beyond a Dyadic Approach to Public Diplomacy: Understanding Relationships in Multipolar World. *Public Relations Review*, 2012, vol. 38, no. 5, pp. 652–664.